

# Опыт психологического расследования хищений

Валерий Простомолотов

д.м.н., профессор кафедры клинической психологии ИИПО ОНУ им.И.И. Мечникова, Одесса, Украина

**Резюме.** В статье изложен опыт автора по психологическому расследованию хищений в коллективах, а также нахождению утерянных/забытых вещей/денег. Автор раскрывает различные психологические приемы, позволяющие эффективно определять и вектор поиска, и похитителя. Инструментами для поиска автор использует, в первую очередь, такие способы как скрытное наблюдение, в том числе периферическим зрением, высокосенсорное восприятие, а также натренированность психолога к восприятию идеомоторных реакций клиента, творческое применение ассоциативного эксперимента Юнга и гипносуггестивных методик. Все это в комплексном применении позволяет усилить перманентное взаимодействие бессознательного/интуитивного у психолога и клиента с сознательным анализом, что в последствии повышает результативность поиска.

**Ключевые слова:** хищение, признаки волнения, анализ воспоминаний, психологическое расследование, вектор поиска.

## Введение

Наши неоднократные попытки, излагая расследованные случаи, тут же проводить психологический анализ поиска похищенных/ утерянных денег/вещей, приводили, во-первых, к повторам, и, во-вторых, к утрате четкости изложения мысли о том, что знания и навыки в области общей психологии и психотерапевтической практики развивают у психолога/психотерапевта интуицию вообще, позволяя внутренним чувством воспринимать пациента/клиента более четко, чем на рациональном уровне, что в розыскной работе равносильно, простите за метафору, острому обонянию у овчарки, идущей по следу. Интуитивное восприятие у психолога, занятого расследованием, тут же подвергается анализу, подтврждая или корректируя правильность направления поиска. Постоянное взаимодействие подсознательного, интуитивного и сознательного анализа — основа успешного поиска утерянных/похищенных денег, что мы и стремились продемонстрировать в нижеприведенных случаях.

Психологический анализ этих случаев и некоторые особенности технологии психологического расследования описаны в последующем разделе, однако необходимо признать, что в ряде случаев при описании примеров хищений и особенностей расследования невозможно было разорвать процессы диагностики и психологического воздействия на клиентов, оторвать интуицию от анализа.

Следователи, будучи профессиональными юристами, проводя расследование тех или иных преступлений в рамках соответствующих отделов министерства внутренних дел или органов прокуратуры, а во многих странах мира — и частных агентств, в своей работе широко используют психологические методы. Более того, и это широко известно, если следователь не является в своей области тонким психологом — типа известных литературных героев: Шерлока Холмса и Эркюля Пуаро — он едва ли будет добиваться в своей работе эффективных результатов, как это и выглядело у оппонентов вышеуказанных маэстро.

Однако следует признать, что используемые успешными следователями психологические знания и навыки зачастую теряются среди таких многочисленных объективных следов преступлений, «вещественных доказательств», как найденные отпечатки пальцев и обуви, окурки, следы крови, отдельные волоски, пуговицы и другие детали одежды и прочее (всего не перечислить), что значение их вообще может выглядеть сомнительно. Однако это не так.

Часто, будучи за кадром, психологические особенности личности преступника/потерпевшего, свидетеля, а также психологические особенности вокруг самой ситуации деликта позволяют следователю выстроить конкретный эффективный план поиска преступника. Не так ли поступали полководцы, решаясь на стратегическую операцию, хотя им приходилось математически точно

рассчитывать ресурсы, свои и противника, особенности местности, погоду и многое другое [1]. Даже в шахматах, интеллектуальном виде спорта, где, казалось бы, решающим фактором является способность быстро производить объективную оценку позиции и считать варианты, достоверно известно со времен выдающегося чемпиона мира Эммануила Ласкера [4] о большом влиянии психологического фактора на результат партии [3]. Понятно, если гроссмейстер уровня чемпиона мира корректно играет с новичком, то психологические особенности, как бы их ни использовал новичок, отходят на десятистепенный план.

У новичка нет ни малейшего шанса против чемпиона мира, так как способность считать и оценивать позицию у гроссмейстера столь высокого уровня на несколько порядков выше. Но когда уровень игроков приблизительно равный, психологический фактор может сыграть — и многочисленные примеры подтверждают это — решающую роль в партии и матче<sup>1</sup>.

Например, чемпион мира Борис Спасский вел к третьей партии с Робертом Фишером 2:0; первую партию он выиграл, на вторую противник не явился. Он бы не явился и на третью, и вполне вероятно вообще бы уехал из Рейкьявика, и таким образом сдал бы матч, если бы Спасский не принял его совершенно нелепых условий — играть не на сцене большого зала со зрителями, а в отдельном кабинете. Конечно, чемпион мира не имел морального права соглашаться на нелепые претензии претендента и отходить от привычных для себя условий проведения матча.

Но Спасский переоценивал степень своей подготовки к матчу с претендентом, возможно, благодаря личному положительному счету с ним и удачному началу матча, но, по мнению многих авторитетных экспертов, в т.ч. экс-чемпиона мира М.Ботвинника, главное состояло в том, что он хотел получить гонорар за матч, — а он был немалый, — если он состоится, а если не состоится, о гонораре не было и речи. Это и подвигло его принять совершенно неприемлемые с психологической точки зрения условия претендента. Но за все, как известно, приходится платить.

Третью партию Спасский с треском проиграл потому, что условия игры для него были совершенно непривычны, а в непривычных условиях плохо думается, внимание постоянно отвлекается. А для претендента, аутистичной личности, эти вычурные для матча на звание чемпиона мира по шахматам условия были идеальны. В закрытом кабинете рядом со сникшим/потухшим чемпионом, по-

1 Значению психологического фактора в шахматах посвящена монография гроссмейстера Н.В.Крогиуса, в которой автор, ссылаясь на выдающихся шахматистов мира, рассматривает большую роль психологии в разных позициях и стадиях шахматной борьбы.

груженным в мысли, явно далекие от позиции на доске, он испытывал истинное вдохновение, интеллектуальный и физический подъем, продлившиеся до конца матча.

Как видим, во многих сферах деятельности человека — думаю, что во всех, но с разной долей участия — психологический фактор играет большую роль, особенно когда приходится расследовать преступления. Следует признать, что особняком среди них выступают кражи в небольших коллективах, а также нахождение утерянных денег/вещей, особенно кем-то присвоенных. Здесь, как нам известно, профессиональные сыщики вообще пасуют и не берутся за розыск.

На протяжении последних 20 лет, когда появились частные предприятия, и в обществе возникло разделение на богатых и бедных, хозяев и наемных работников, нам пришлось многократно по просьбе директоров/хозяев фирм расследовать случаи воровства в небольших коллективах, в которых вращались и часто оседали на 1—2 дня довольно большие суммы денег, в т.ч. в валюте (30—50 тыс. дол.).

Поскольку и ранее, еще в последние годы советской власти, во время так называемой перестройки, к нам обращались с подобными предложениями<sup>2</sup>, и мы успешно обнаруживали похитителей или забытые места, где были спрятаны деньги, мы приобрели некоторый позитивный опыт в этом отношении и как следствие — известность среди определенного круга горожан, что способствовало увеличению клинического материала.

Проводимое нами в это время параллельное изучение феномена клептомании [5] пришлось весьма кстати, так как позволило более детально исследовать особенности личности похитителей, в т.ч. ин-теллектуальные, эмоциональные, нравственные, — и что важно — на возрастном срезе, то есть изучить динамику развития/усиления регрессивного «хватательного рефлекса» на фоне патологии характера, в свою очередь, с годами претерпевающего специфическое развитие [6].

Но основное, представляющее цель настоящей работы, это исследование технологии поиска психологом похищенных/утерянных денег/вещей, поиска собой (как я

2 Поводом к первым обращениям к нам являлось гипертрофированное представление у обывателей о сверхвозможностях у представителей нашей профессии: «психолог видит насквозь», «под гипнозом признается любой преступник» и т.п. Очень скоро ироничное отношение к подобным возможностям психологов у меня заметно уменьшилось, стоило немного порыться в памяти и материале. Вспомнилось, как многократно приходилось угадывать профессии, привычки, зависимости и мн.др. у пациентов или обследуемых на ВВК. Понятно, что не в персоне дело, а в профессии, которая натренировывает внимание и в целом восприятие пациента. Тогда и пришло решение смело использовать фактор интуиции (у себя, у пациента) при розыске утерянного/похищенного, что тут же привело к положительным результатам.

определил бы это по аналогии с диагностикой, осуществляемой психологом или психиатром), взаимодействием в себе бессознательных/подсознательных механизмов с сознательными, направленных в разных стадиях поиска то на свидетелей/многочисленных членов коллектива, то на предполагаемого похитителя, то одновременно на всех сразу.

Интересно, что последнее позволяет, как луч радара, высветить яркую точку, цель поиска, выделяющуюся на общем фоне своей необычной, своеобразной активностью в сравнении с общей массой явно усредненных показателей психологических тестов. Что касается поиска утерянных денег/вещей, то он сводился в, первую очередь, к помощи человеку, забывшему их, вспомнить и проследить вместе с ним весь путь. Но пока обо всем по порядку.

### Расследованные случаи

**Случай 1-й.** Дело происходило в конце эпохи перестройки — зарождения на пространствах СНГ дикого капитализма. К нам в центр психотерапии обратился мужчина явно неинтеллигентного типа, назвавшийся директором фирмы. Директор выглядел то ли сильно пьющим, то ли уголовником, то ли и тем, и другим одновременно. Это был крупный мужчина без каких-либо сантиментов, весьма авторитарный, даже со мной, зная, что я доктор и заведу центром. Не скажу, что с ним было приятно иметь дело, скорее наоборот. Он обратился с просьбой установить, кто из двух его личных шоферов обворовал его. Были похищены на большую сумму деньги (число не указывалось, и я не считал нужным уточнять), ценные бумаги и золотые украшения, хранившиеся в одном из его гаражей в ГСК. Обнаружил это он вчера после телефонного звонка охраны, что ворота его гаража распахнуты. Тут же подъехав, он увидел, что, действительно, ворота распахнуты, а когда стал обследовать гаражные тайники, обнаружил, что сворованы деньги, ценные бумаги и золотые украшения. По его мнению, это может быть только делом рук кого-то из его шоферов, так как на ворота поставлен импортный замок с хорошими противозломными характеристиками. Но кто из них, не может решить. Обращаться же в полицию он не желает. Попросил никаких записей не делать; себя и своих водителей назвал по имени. Он сообщил также, что лично допросил обоих шоферов, но безрезультатно. У меня в голове крутилась мысль, как бы отвязаться от этого типа, не вызвав недовольствия с его стороны. «Так вас интересует, кто именно из двух шоферов обокрал ваш гараж?», — спросил я, на что получил утвердительный ответ. Было совершенно лишним вникать в детали дела, в т.ч., например, в какой

степени его водители были одновременно и его помощниками/подельниками.

Я согласился обследовать двух шоферов в его присутствии. По-просил, чтобы он, не сообщая об этом подозреваемым, приобрел два японских аппарата для автоматического измерения артериального кровяного давления и частоты пульса, с чем бы и привел своих водителей. Я считал нужным предупредить директора, что учащение пульса и повышение кровяного давления будут указывать на того, кто взволнован; а почему взволнован, ему-то понятно. Других исследований мы не проводим. Если же он хочет провести доказательное расследование, то должен обратиться в полицию.

Я рассчитывал на то, что разница в частоте пульса и величине артериального давления у обоих обследованных будет указывать на похитителя. Однако проведение этого простого теста, как это иногда бывает, превзошло все мои ожидания.

На другой день в установленное время все они вошли в мой кабинет. Это надо было видеть — отборная команда рэкетиров. И дело не в том, что у всех троих было крупное телосложение при росте за 185, а их решительные, угрюмые и напряженные лица с характерным алкогольным оттенком. После краткого знакомства я спросил испытуемых, знают ли они, для чего шеф привел их; в чем он их подозревает, на что оба согласно, как дети, закивали головами. Тогда я заявил им, что у них еще остается шанс признания, — и выдержал паузу — пока не проведу исследование. Оба молчали. Тогда я развел их на два метра друг от друга, попросил их раздеться по пояс, надел им на левые руки японские манометры, приказал обследуемым стоять ровно с закрытыми глазами и включил приборы.

Сразу, как только послышались громкие удары пульса, бросилась в глаза разительная, прямо демонстративная, разница между обоими обследуемыми: если у одной стены слышалась буквально пулеметная очередь, то у другой — одиночные выстрелы. У одного обследованного был пульс 120 уд/мин при артериальном давлении 160/90 мм рт.ст., у второго — 60 уд/мин при АД 120/80 мм рт.ст. У директора от удивления отвисла челюсть. На том и расстались.

**Случай 2-й.** К нам обратилась директор одного института с просьбой помочь ей разобраться в ситуации, в которой она психологически запуталась. Дело в том, что накануне вечером она потеряла свою сумочку, в которой наряду с крупной суммой денег — около десяти тысяч гривен — были записные книжки с записанными номерами телефонов нужных ей персон и организаций. По ее словам, эти записные книжки представляют для нее большую ценность, чем деньги, так как позволяют ей

оперативно обращаться, просить, предлагать, советовать-ся, докладывать и т.д.

Вчера, как всегда, с работы муж забрал ее на машине, она удобно уселась и по ходу движения автомобиля продолжала обдумывать свои директорские проблемы, которые четко помнит, остальное — фрагментарно. Осталось в памяти, что, уходя с работы, сумочку держала в руке. Выйдя из авто и подойдя к своему подъезду, вспомнила, что дома нет ни кусочка хлеба. Тут же решила купить его в небольшой частной булочной, расположенной неподалеку.

У окошка булочной стояли две разговаривающие между собой пожилые пенсионерки.

Странно, но в памяти зафиксировались многие детали их внешности. Она быстро расплатилась, положила хлеб и кошелек в целлофановый пакет и, держа его в руке, быстро ушла домой. Подойдя к двери своей квартиры, она хотела достать ключи, которые всегда находились в сумочке, и только теперь обнаружила, что сумку-то где-то оставила. Стала лихорадочно вспоминать весь пройденный ею путь и поняла, что сумочку оставила на наружном прилавке булочной, когда доставала кошелек с деньгами, расплачивалась, получала и упаковывала хлеб. Она тут же вернулась к булочной и спросила у продавщицы, не видела ли она оставленной на прилавке сумочки, на что та ответила, что не видела.

В ответ на описание внешних деталей и внутреннего содержания сумочки она получила тот же безразличный ответ — нет, не видела. Тогда она на всякий случай попросила продавщицу, если ей вернут сумочку, сохранить ее, она будет навещаться. Пообещала щедро вознаградить за возврат вещи. Вернувшись расстроенной домой, сообщила мужу эту неприятную новость о пропаже сумочки с деньгами и ценными записными книжками. Допоздна они анализировали ситуацию, пытаясь вспомнить, где же она оставила сумочку, но ничего вразумительного на память не приходило.

Поздно ночью при засыпании, когда она блуждала сонным сознанием вокруг той злополучной покупки хлеба, в сознании всплыла четкая картина, как те пенсионерки у булочной, когда она, уходя, поворачивала метрах в пятидесяти от них к своему дому, показывали руками в ее сторону, как теперь ей стало ясно, показывали продавщице на нее в связи с оставленной на прилавке (наружном) ее сумочки, которую она положила туда, чтобы освободить руки для акта покупки хлеба. Стало предельно ясно, что эти пожилые женщины, которых она хорошо запомнила, передали сумочку продавщице, указывая на нее как владелицу сумки. Она тут же разбудила мужа и сообщила ему о всплывших в сознании деталях воспоминаний.

Поскольку была уже поздняя ночь, они с мужем решили пойти к продавщице рано утром, что и сделали.

Продавщица повторила, что никакой сумки не видела. Несмотря на то, что они с мужем предлагали ей взять все деньги, а вернуть только записные книжки, продавщица упрямо повторяла, что никакой сумочки ей не передавали. Они не нашли ничего, что сказать продавщице, на два порядка менее образованной, чем они, ибо для интеллигентного человека деликатность прежде всего: не дай Бог нечаянно обидеть кого-то.

Таковы детали воспоминаний об оставленной сумочке и поведении продавщицы, которые необходимо дополнить характерологическими особенностями женщины, оставившей на прилавке по рассеянности сумочку, в которой находилась большая сумма денег и важные записные книжки. Хлеб, которого ни крошки не было дома, был куплен и удовлетворенная этим женщина (уже жена, хозяйка, а не директор) поспешила домой (но при этом оставив сумочку).

По характеру и воспитанию обратившаяся ко мне директор была человеком деликатным и тонким. Будучи весьма ранимой, она сама не допускала того, чтобы кто-то нечаянно обидеть. Понимая, что сумочка находится у продавщицы злополучной булочной, не знала, что необходимо сделать, чтобы та вернула ее. Согласна на то, чтобы та вернула только записные книжки, а все деньги оставила себе.

Уважаемый читатель, чтобы узнать о деталях этого случая, вам потребовалось всего несколько минут для прочтения этих шестидесяти с небольшим строк. Чтобы получить эту квинтэссенцию мне же потребовалось более получаса выслушивать, вникать, задавать наводящие вопросы, а потом, утвердившись в мысли, что сумочку передали продавщице, более четверти часа убеждать клиентку в том, чтобы мы — я, и она с мужем — сейчас же поехали к той булочной для разговора, уже предельно серьезного, с той продавщицей.

Я попросил, чтобы меня ей представили как опытного юриста, и весь основной разговор буду вести я, выстроив для себя план психологического воздействия на простую женщину, польстившуюся на вдруг свалившиеся на нее десять тысяч гривен, с которыми ей было жалко расставаться.

Было необходимо убедить ее в том, что мы сейчас же заявим в милицию и очень быстро найдем тех двух пожилых клиенток булочной, которых запомнила владелица сумочки, которые передали продавщице оставленную на наружном прилавке сумку со всем ее содержимым, указав при этом на удаляющуюся хозяйку этой вещи. Но тогда дело приобретет другой оборот — речь уже будет идти не о присвоении утерянной вещи, а о краже ее со всеми отсюда вытекающими последствиями.

Для себя я уже выстроил план психологического воздействия на продавщицу: держа в руках мобильник,



строго вопрошать — «так что, вызываю сейчас же опытного оперативного работника милиции и открываем уголовное дело или обойдемся миром?!»

Если же супруги хотят обойтись без блефа и вести дело по-серь-езному, пусть пригласят действующего опытного юриста, который, уверен, найдет, что сказать продавщице, чтобы убедить ее в том, что тех двух женщин, клиенток булочной, передавших ей с прилавка сумочку, найти проще пареной репы. Но тогда она уже будет фигурировать как воровка, а это конец ее карьеры (она оказалась хозяйкой этой частной булочной), плюс срок от пяти лет, ибо имело место хищение в особо крупных размерах.

Супруги избрали второй вариант, и уже через час сумочка со всем содержимым была возвращена в целостности и сохранности.

**Случай 3-й.** Ранним утром, сразу после восьми, мне позвонила домой директор средней школы, в которой я недавно прочитал цикл лекций для учителей по основам психопрофилактики пограничных психических расстройств у школьников. Она проявила себя энтузиастом внедрения психологических методов для диагностики и коррекции выявленных нарушений, и мы обменялись телефонами для продолжения деловых контактов. Однако этот звонок был неожиданным. Директор попросила меня, поскольку дело срочное, безотлагательно, если возможно, подойти к ней в школу. Я жил всего в одном квартале, поэтому менее чем через десять минут вошел к ней в кабинет. Там, кроме директора, находилась еще одна женщина лет сорока, как потом выяснилось, школьный завхоз. Чувствовалось, что обе они были чем-то взволнованы.

Плотно закрыв за мной дверь, она предложила нам сесть в узкий кружок в отдалении от двери и, присоединившись к нам, тихим голо-сом стала вводить меня в курс дела. Вчера уже поздно после обеда, когда большинство учителей ушли с работы, завхоз получила деньги в банке, — месячную зарплату учителям и другим сотрудникам школы — которую принесла и спрятала в своем «кабинете» — на стеллаже в большой кладовке, где сложено столовое белье. Было решено выдавать зарплату завтра.

Дверь в кладовку закрыта на внутренний замок. Эти помещения завхоза расположены в цокольном, полуподвальном, помещении и часть коридора отделена от основного решеткой из толстых арматурных прутьев; выход же на первый этаж закрывается решетчатой дверью из арматуры с внутренним замком. Ключи от этих замков находятся только у завхоза.

Итак, все три замка были закрыты, никакого беспорядка или подозрительных следов в помещениях завхоз не обнаружила, но также не было и спрятанных денег, куда их, она точно это помнит, положила.

По мнению директора, очевидно, завхоз в суете спрятала деньги в другом месте и забыла, куда положила. Ее умозаключение основывалось на том, что ключи от трех дверей были только у завхоза, поэтому никто не мог проникнуть в кладовку и похитить деньги. Наивная простота честной женщины!

Завхоз продолжала настаивать на том, что уже семь лет, как ей это поручили, она кладет деньги в одно и то же место. Она поражена тем, что они не оказались на месте, поэтому уверена, что деньги сворованы. Но как?

Я попросил сводить меня в помещения завхоза. Еще шел первый урок и коридор был пуст. Мы быстро спустились в кладовку, все три замка завхоз быстро открывала своими ключами, а верхний сразу же и закрыла. В кладовке и большой комнате было чисто, просторно и все расположено в порядке; все оказалось так, как описала ранее завхоз. При хорошем освещении все хорошо просматривалось, не было видно, куда бы можно было положить мешочек с деньгами, чтобы его не было заметно. Порядок и чистота в помещениях, а также опрятный и взволнованный вид завхоза расположили меня к ней. Я спросил завхоза, у кого находится четвертый ключ, ведь прежде чем открыть первую дверь, ведущую в полуподвал, надо войти в школу? Конечно, можно проникнуть и через окно, но завхоз тут же отвергла этот вариант, так как уверена, что все окна целы и закрыты, по крайней мере, так было вчера.

Ночные сторожа заступают на дежурство в шесть вечера и сдают его и ключ от наружной двери в восемь утра. Этой ночью дежурил самый молодой, лет сорока, работает у них сторожем менее полугодом. Он не проявил себя добросовестным работником, хуже остальных сторожей подметает двор и подбеливает деревья и бордюры, склонен к выпивке, сквернословит и пустой болтовне. Все сторожа, и этот тоже, живут рядом со школой в частной застройке; завхоз знает, где.

Понимая, что одной психологией здесь не обойтись, что необходимо как можно быстрее допросить/исследовать дежурившего этой ночью сторожа, я попросил директора срочно, если возможно, пригласить сюда участкового уполномоченного, так как без его участия мы не сможем дальше вести эффективно поиск похищенных денег.

Версию, что деньги могла присвоить/похитить сама завхоз, я отверг, так как по всему было видно, что эта работающая, любящая и соблюдающая порядок совестливая женщина, да к тому же, как и ее директор, доверчивая до глупости, не может быть воровкой. Зато версия в моем сознании о причастности ночного сторожа (любителя выпить и поболтать, но не любителя трудиться) к воровству денег — уж очень все выглядело до неправдоподобности чисто, профессионально — обростала все новыми и но-

выми фактами. В ответ на мой наводящий вопрос к завхозу, не заметила ли она в последнее время чего-то необычного в своем хозяйстве, она сказала, что в последний месяц обнаружила небольшую, можно сказать, мелочную недостачу столовой посуды и белья, но отнесла это к недостаткам при их приемке. К счастью, участок, оказался в одном квартале от школы, и майор милиции, которого директор как старого знакомого называла по имени и отчеству, пришел через несколько минут.

По моему предложению мы его ждали на улице, чтобы, не теряя лишних минут, оперативно отправиться к дому сторожа. К тому времени я еще более утвердился о его причастности к краже денег. Мне стало понятно, что этот сторож не терял даром время на ночных дежурствах и, подобрав ключи, уже не раз побывал в помещениях завхоза, не удержавшись от того, чтобы не прихватить для начала несколько столовых приборов, полотенец и скатертей.

Пока мы быстро шли к дому сторожа, я оперативно ввел майора в курс дела и о своих подозрениях, кто и как своровал деньги, и почему мы быстро идем в этом направлении.

Когда до нужного нам дома оставалось метров тридцать, мы увидели, как крупный подросток — как стало потом известно, это был пасынок ночного сторожа — стал открывать ворота. Не успел он полностью открыть одну половину, как мы подошли и заняли собой выезд из ворот. Во дворе старого одноэтажного дома напротив ворот стоял столь же старый мотоцикл с коляской, на котором восседал потертый мужчина сорока с небольшим лет — сторож — и давал перегазовку двигателю, работающему с заметными перебоями, а в коляске сидела полная женщина, хозяйка дома, его жена.

Майор приказал подростку закрыть ворота, а сторожу выключить зажигание. Сторож в грубой форме стал возражать, так как ему срочно нужно ехать к теще.

Майор напомнил сторожу, что неподчинение должностному лицу милиции при исполнении им служебных обязанностей влечет наказание «от и до».

Однако сторож продолжал давать перегазовку, намериваясь тронуть мотоцикл в проем ворот, то есть прямо на нас. В какой-то момент мотоцикл сдвинулся с места, но тут заглох двигатель. Сторож нервно пытался его завести, но безуспешно. В это время майор достал из сумки портативную рацию и вызвал на себя срочно опергруппу, прибывшую к моему удивлению буквально через одну-две минуты на «Москвиче» в составе трех милиционеров при оружии.

Подросток, который не выполнил приказа майора закрыть ворота, но выполнил окрик отчима не закрывать ворота, более того, под-пер их большим камнем, препятствующим закрыванию, и оставался стоять на месте,

держась за ворота с решительным видом. Однако, когда подъехала опергруппа и выскочившие из машины милиционеры очень уверенно и энергично стали действовать, он попытался улизнуть.

Его тут же по приказу майора задержали, заломили руки назад и надели на запястья наручники. Сторож попытался забежать в дом, но умелая подножка, профессиональная борьба оперативников — не скажу, что легкая — и вот уже и он, тяжело дыша, сидит в наручниках на руках и ногах. Одна полная жена сторожа продолжала невозмутимо сидеть в коляске.

Все эти потрясшие нас бурные события, происходившие во дворе дома сторожа, свидетелями которых мы с директором и завхозом оказались, имеет лишь косвенное отношение к психологии розыска похищенных денег. Однако описываю их весьма натурально, чтобы стало ясно, что пробежись сторож на мотоцикле через нас или уехал бы он несколько раньше, и психология осталась бы психологией, увы, без похищенных денег. Пишу это не для того, чтобы приуменьшить чью-то роль, нашу или милиции, в данном случае. Ясно, что каждый должен высокопрофессионально выполнять свое дело.

Ко времени, когда сторож и его пасынок были зафиксированы в отдалении друг от друга вторыми наручниками к трубам для вьющегося винограда, напротив ворот собралась уже большая толпа любопытных прохожих/соседей. Майор выбрал из них наиболее приличных трех женщин быть понятыми при обыске; остальным строго приказал разойтись, не то привлечет и их к ответственности.

Жена сторожа отказалась вылезти из коляски, угрожая тем, что она будет жаловаться на беззакония, чинимые милиционерами. Милиционерам пришлось и ей надеть наручники, а затем силой совместными усилиями вытащить ее из коляски и зафиксировать к металлическим поручням крыльца.

Мы — я, директор и особенно завхоз — с нетерпением ждали, что последует за обследованием/обыском коляски, которую эта женщина, отказываясь покинуть добровольно: мы надеялись, что там были похищенные в школе деньги.

Так оно и оказалось, но... сверху ничего не было. Когда подняли резиновый коврик, под ним оказался лист плотного картона, когда подняли его — опять картон, и лишь только под вторым лежали аккуратно сложенные пачки денег. Все это было сфотографировано и пересчитано в присутствии понятых.

Остальное — доказательства, что эти деньги были сворованы в школе и этим сторожем, весьма важные — мы опускаем, так как, самое главное, интересовавшая нас психология поиска похищенных денег/вещей началась и завершилась успешно.

**Случай 4-й.** К нам обратилась Л., директор фирмы, занимающейся бухгалтерскими делами, с просьбой найти у них в коллективе вора, похитившего вчера вечером у фирмы деньги на сумму, эквивалентную тридцати пяти тысячам долларов США. Она уже неофициально обращалась в полицию. Поскольку она не знает, кого подозревать, поскольку более тридцати бухгалтеров, среди них только один мужчина, по сути, работают в одном большом помещении, где хранились деньги, и никто из сотрудников не может указать хотя бы приблизительно, кто бы мог украсть несданные в банк и оставшиеся на ночь в помещении деньги, ей сказали, что дело бесперспективное и посоветовали обратиться в частный сыск. Она слышала о нас, что мы помогаем выявить в коллективах нечестных людей, поэтому решила вначале обратиться за советом к нам, а не в частное агентство по расследованию преступлений.

Я согласился помочь ей при выполнении нескольких условий: 1) обследованию подлежат персонально, по одному, все сотрудники фирмы, в том числе и она; 2) все обследованные мной сотрудники должны дать добровольное согласие на проведение с ними ряда психологических тестов, в том числе погружение в гипнотическое состояние; 3) обследование продлится два дня, и в это время все сотрудники, согласно списка, должны в указанное время прибыть на обследование; 4) обследовать всех сотрудников я буду в помещении фирмы, где они работали, где хранились и были похищены деньги, поэтому лишних людей здесь не должно быть; 6) перед началом моей работы по розыску похищенных денег я проведу беседу в помещении фирмы со всеми сотрудниками сразу, отсутствующих не должно быть.

Кроме того, я поставил следующие условия оплаты моих услуг: а) обследование одного сотрудника стоит 10 долларов с суммарной оплатой до проведения тестирования; б) если в результате проведенного обследования я найду похищенные деньги, то возвращаю их хозяйке за вычетом 25% от всей суммы, являющихся гонораром за успешный розыск. Хозяйка согласилась с этими условиями, и в тот же день в конце работы фирмы я провел беседу со всеми сотрудниками на их общем собрании (отсутствующих не было) в том же самом помещении, где хранились и были похищены деньги.

Директор представила меня аудитории как опытного психолога в области розыска похищенных денег/вещей. Я был предельно краток и авторитарен. На мой вопрос, все ли знают, что произошло у них на фирме и конкретно в этом помещении, был единодушный ответ «да». Ни один из присутствующих не пожелал, сказать что-то против. Далее я сказал, что если это правда, что были деньги и они были похищены, то также верно, что их похититель, член вашего коллектива, сидит здесь среди

нас, ибо, согласно известной вам и мне ситуации, другого варианта не может быть. А это значит, что завтра или послезавтра после обследования всех я буду знать, кто из вас похитил деньги; и не просто знать, а доказательно на 100% на юридическом уровне тестах. Исчезновение кого-то из вас после настоящего собрания вызовет немедленное обращение в уголовный розыск со всеми отсюда вытекающими последствиями.

Все согласились с условиями проведения обследования; ни один из присутствующих на собрании ни коим образом не оговорился о своем особом отношении к проводимым мероприятиям.

И, приступая к этому непростому расследованию, проводя мно-гочисленные тесты, наблюдая десятки разных лиц, я ни на мгновение не терял уверенность в том, что похититель, скорее, я все-таки думал, похитительница неминуемо запутается в сетях хитроумных психологических тестов и обнаружит себя и сопротивлением, и излишней демонстративностью, и, конечно, шоковыми паузами при проведении ассоциативного эксперимента Юнга.

К тому же я надеялся, что исподволь вскроются мелкие, но существенные детали (уверен, в любом деле они есть, главное — их видеть и найти), связанные с похищением денег, что вскоре и подтвердилось.

Когда после общего собрания мы с директором фирмы остались наедине, я спросил, не случилось ли чего-то необычного, не обязательно чего-то выдающегося, а просто, смешного, глупого, в период после того, как основная масса сотрудников ушла по домам, при этом две из них, ответственные за эту традиционную у них операцию, спрятали деньги, предварительно тщательно пересчитав их. Этим двух главных фигуранток дела по моей просьбе задержали после собрания на полчаса. Они, честные и откровенные девушки, подробно рассказали мне, где считали деньги, где и как спрятали их, кто после них оставался на фирме.

Далее выяснилась серия прелюбопытнейших деталей. Единственный мужчина, ему оказалось 25 лет, работал не только старшим бухгалтером, но и ночным сторожем, то есть ночевал в помещении фирмы.

Когда все ушли, в большой комнате — на своем обычном рабочем месте — оставался работать этот молодой человек, а мы с директором беседовали в одной из двух малых комнат, сидя на единственном на фирме диване, на котором ночами спал (прошлой ночью точно один) этот мужчина, директор призналась, что между ними имеются интимные отношения; она произнесла буквально: «мы — любовники» (директору-хозяйке, жившей в разводе уже несколько лет, было 45). В прошлый вечер главные фигурантки ушли предпоследними, вслед за ними минут через 15 ушла заместитель директора. Все это вре-

мя молодой человек работал в большой комнате, сидя к ним спиной. Закрыв дверь за последней, он вскоре начал укладываться спать. Менее чем через час его разбудил стук в дверь. Оказалось, что это заместитель директора вернулась за ключами, которые забыла на фирме. На мой вопрос, часто ли у них забывают ключи и возвращаются ночами за ними, был ответ, что этот случай составляет исключение.

Почувствовав, что вот-вот нападу на след, я попросил директора оставить нас со сторожем-бухгалтером наедине. Никаких вопросов об отношениях между ним и хозяйкой фирмы я ему не задавал, как и провоцирующих его искренность—лживость в отношении похищенных денег. Этому сельскому парню, оказавшемуся согласно клиническим описаниям Э.Кречмера [2] явно сенситивным шизоидом, то есть человеком не от мира сего, не нужны были эти 35 тыс. дол., так как, по сути, ему принадлежало все: и деньги, и недвижимость фирмы, и сама хозяйка. Задав этому несколько неловкому и высокочувствительному, но явно интровертированному молодому человеку несколько вопросов, я убедился в правоте вышеприведенной клинической оценки [6]. Однако, чтобы не портить общего впечатления и вообще на всякий случай, я в конце нашей беседы пропустил его по общей схеме психологического обследования, оказавшегося монотонным и стандартным. Этот в общем вялый и малоинициативный мужчина не знал, кого подозревать в краже.

Свое постоянное рабочее место (за столом посередине большой комнаты спиной к столам и стеллажам у стены) он занимал и в тот вечер, когда были положены/спрятаны деньги. По его словам, он всегда так концентрируется на работе с бухгалтерскими документами, что адский шум в помещении, в котором работает более тридцати женщин, не отвлекает его. Также его не отвлекают перемещения людей по комнате, в т.ч. за его спиной; проще говоря, он не замечает их. Чтобы отвлечь его от работы, к нему необходимо лично громко обратиться, еще лучше тронув его при этом за плечо. Зато, он виновато улыбнулся, ничто не мешает концентрированно и быстро работать.

На вопрос, знает ли он, что деньги были спрятаны, ответил, что знает, так как те две девушки, уходя, «разбудили» его — тронули за плечо и на ухо сообщили, что деньги на месте. Знает это традиционное место — за его спиной на верхнем стеллаже. Не проверял и в тот раз, как и в остальные дни до того, так как девушки проверенные и честные.

Слышал ли он, как за ним работала и что делала заместитель директора, ответил, что узнал по тому, когда она постучала по столу рядом с ним и попросила выпустить ее и закрыть за ней дверь, так как уходит домой. Не заметил ничего необычного при ее уходе. Обрадовало, что,

наконец, может лечь спать, так как порядком устал. Кроме замка дверь он закрыл изнутри на засов.

Что он помнит, когда его разбудил стук вернувшейся через час зам. директора? Помнит, что проснулся с трудом. Был удивлен, что это зам. директора, что она забыла свои домашние ключи на фирме. Он сопровождал ее по помещению, но она сразу нашла свои ключи, оказавшиеся на полу под столом, за которым работала. (Но... это было и то место под стеллажом, где были спрятаны деньги!)

Таким образом, на поиск ключей ушло не более полуминуты. Он закрыл дверь и лег спать, до утра его никто не будил. Утром, когда пришли те две девушки, в чью обязанность входило сдавать (и прятать) деньги в банк, оказалось, что денег на месте нет, что они сворованы. Об этом факте молниеносно стало известно всем, в первую очередь, хозяйке. Как всегда в подобных случаях, перерыли все помещение, полагая, что спрятали не там, но денег не оказалось нигде, они как будто испарились.

Такова общая ситуация/информация, которой я обладал, приступая к обследованию остальных сотрудников фирмы (кроме двух девушек, спрятавших деньги, сторожа-бухгалтера и хозяйки, которых пришлось обследовать первыми). Ни до, ни после никто из обследованных сотрудников на мой стандартно-формальный вопрос, кого они подозревают в краже денег, ни на кого не указывал, кроме одной, той, что забыла ключи, вернулась через час за ними и сразу же из открытых дверей пошла точно в их направлении и сразу же подняла их с пола. Эта молодая и активная, я бы сказал, верткая женщина, зам. директора фирмы. С того момента, когда я узнал об этом, у меня не было сомнений, что она похитила деньги, но я старался ничем не выдать своих веских подозрений, более того, я намеривался обследовать ее в конце. Однако, и это типичная ситуация — вор всегда активен (даже в терпеливом ожидании) и всегда выскакивает вперед, поэтому целесообразно в любом случае выдержать паузу — и она, мотивируя тем, что занята, через хозяйку попросила обследовать ее одной из первых. Я не возражал, продолжая играть добросовестного Ваньку-психолога, относящегося ко всем ровно. Однако спросил о подошедшей ко мне с ее просьбой хозяйки, какова зарплата у ее зама? Две тысячи, — был ответ, — баксов.

Как я понял, хозяйка не подозревала своего заместителя в воровстве, очевидно, полагая, что при такой фантастической по тому времени зарплате нет смысла воровать. Так вот, эта заместитель директора очень активно уселась для обследования. Я попросил ее быть внимательной, фиксировать взором чучело совы, принесенное мной и расположенное напротив метрах в двух и чуть выше глаз обследуемых. Стандартно я попросил ее после нашего разговора никому ни о чем не говорить относи-



тельно процедуры обследования. Она согласно кивнула головой. Также я уведомил ее о том, что все, что она скажет, я сохраняю в тайне.

Кого она подозревает в воровстве? Несколько подзадержавшись с ответом, демонстрируя ответственность, коротко ответила — сторожа. Так как она продолжала свободно распоряжаться своим взором, пришлось напомнить ей, что весь период обследования она должна фиксировать взором сову. Она опять кивнула головой, но продолжала стрелять глазами по сторонам. Поскольку она прямо-таки излучала напряжение, я попросил ее успокоиться. Я спокойная, — был ответ, но пульс был частый и напряженный — за 110 уд/мин, несмотря на то, что своим острым обонянием я почувствовал исходящий от нее запах валерьяны.

Среди 150 вопросов-утверждений, стандартно заданных всем обследованным, ее ответы в шести местах, сложно упакованных, содержащих двойной-тройной смысл, казалось бы, на ровном месте отличались неприличными паузами.

Например, после утверждения «близко» с паузой в 8 секунд последовал ответ «не знаю, что сказать»; после вопроса «зачем?» через 7 секунд последовало «надо»; «а если узнаю?» потребовалось 12 секунд на обдумывание — «нет»; на «глупость» через 7 секунд — «возможно». В то же время на прямые смысловые сигналы («где деньги?» — «не знаю»; «вы?» — «не я», «вор» — «не знаю», но затем, подумав, добавила «я же вам говорила») ответы следовали мгновенно.

Что касается ответов остальных сотрудников фирмы, что на-зывается, ни за что попавших на специальное психологическое обследование, то они были и быстрыми, и стандартными и при сложной упаковке: зеркальными, шутливыми, участливыми. Например, после «близко» обычно следовал ответ «далеко», после «зачем?» — «не знаю» или «затем», после «глупость» — «несусветная» или «ум», после «а если узнаю?» — «узнавайте», «было бы хорошо» и т.п.

В ответ на мое предложение расслабиться, рассеянно смотреть на сову, слушать приятную медитационную музыку и думать об отдыхе я заметил у зама еще большее напряжение, например, поднятое вверх предплечье не упало, а осталось приподнятым секунду-вторую, только после чего обследуемая сама опустила его.

На предложение закрыть глаза и погружаться в ощущение расслабленности и отдохновения она несколько раз приоткрывала глаза и смотрела на меня с нескрываемым раздражением.

Признаюсь, мне было жаль наблюдать, как уставшая женщина, зам, чтобы не позволить втянуть себя в обволакивающую расслабленность и сонливость, судорожно напрягается всеми фибрами души.

Замечу, что все обследованные сотрудницы с удовольствием расслаблялись и отдыхали, а треть из них явно засыпала. Разница в поведении при обследовании зама и всех остальных сотрудников была разительной: те доверялись и были послушны как дети, они не знали, что от них хотят; она знала и сопротивлялась изо всех сил, но при этом пыталась сохранить умным лицо и свои ответы; она боролась, и этим, признаюсь, вызывала к себе определенное уважение.

Последние 5 минут обследования я предлагал подэкспертным отдыхать, слушая музыку и растворяясь в приятной истоме.

В это время я периодически всматривался в их лица, позу, дыхание, движение глаз под веками, пытаюсь дифференцировать две эмоции: спокойствие и тревогу/напряжение.

Все, кроме заместителя директора, приятно отдыхали. Но при ней уже я мучительно размышлял, когда сообщить ей, что нам известно, на что указывают результаты обследования, подтвердившие ее оплошность в забывании ключей, что деньги похитила она: сейчас или завтра в конце обследования?

Я решил — завтра после обследования всех, что обеспечивало, во-первых, объективность и, во-вторых, определенным образом защищало меня от попыток физического устранения.

И первый день обследования, и второй день ничем особенным не выделялись кроме того, что зам через хозяйку просилась в кратко-срочную командировку, против чего я, естественно, возразил.

Второй неожиданный случай всплыл с утра второго дня, когда одна бухгалтер лет пятидесяти пришла на работу в сопровождении своей дочери, назвавшейся юристом, сотрудницей органов МВД. Эта сотрудница органов МВД была в форме младшего сержанта и попросила гипноз для ее матери под каким-то надуманным предлогом (ослабления воли) не применять.

Пришлось объяснить младшему сержанту, заочнице юридического факультета, что никакого насилия в отношении ее матери, сотрудницы фирмы, на общем собрании которой было принято согласие всех, в т.ч. и ее матери, не чинить препятствий при проведении психологического обследования, включая гипноз, применено не будет. Предложено присутствовать при проведении психологического обследования ее матери, от чего она отказалась.

Поскольку эта пятидесятилетняя сотрудница почти непрерывно плакала, и от нее исходил явственный запах алкоголя, нами (мною и директором) было принято решение дать ей успокоиться, только после чего подвергнуть психологическому тестированию. Уже было известно, что эта сотрудница ушла с работы и более не появлялась,

когда те две доверенные девушки пересчитывали и прятали деньги, то есть никак не могла похитить их.

Все психологическое обследование у нее, в том числе ассоциативный эксперимент, проходило с перманентной демонстрацией грубых истерических феноменов (громкие вздохи, вздрагивание, тарашила глаза), при этом чувствовалось, особенно при вопросах, содержащих идею воровства, что еще чуть-чуть и возможно развитие большого истерического припадка. Я решил не балансировать на краю пропасти и мягко свернул обследование пациентки, аномальной личности с алкогольной энцефалопатией, на успокоительную гипносуггестию. Пациентка вскоре уснула, а когда через 10 минут я ее разбудил, амнезировала всю процедуру обследования.

И чтобы завершить с этим неприятным случаем, общу, как мне стало известно спустя несколько минут от директора, эту женщину они уже давно подозревали в мелких кражах из сумок сотрудниц (полфлакона французских духов, несколько денежных купюр, т.п.), но поймать за руку так и не смогли.

В конце второго дня я пригласил, как и планировал, для короткого откровенного разговора зама. Я сообщил ей, что, даже если бы она не забыла на месте хищения денег связки ключей, за которыми вынуждена была вернуться через час, психологическое тестирование прямо указывает на то, что похитила деньги она.

Она стала активно возражать, что-де попробуйте сделать это за спиной малого хозяина? Пришлось сказать ей, что и нам теперь, а не только ей, известно, что за спиной малого хозяина можно вынести весь офис, а он и не очнется от своих мыслей. Но я не намерен дискутировать с вами, я предлагаю честный договор: вы приносите мне все похищенные деньги, я за вычетом 25% возвращаю их хозяйке, при этом сохраняю в тайне, кто их похитил. Я никому никаким образом не дам понять, что деньги похитили вы.

Как я ни пытался ее убедить, что это лучший шанс для нее, что в случае ее отказа дело будет передано в полицию, а там что-что, а выбивать похищенные деньги умеют. Она проявила неумное упрямство. Я пригласил хозяйку фирмы, сидевшую в соседней комнате, и сообщил ей что, согласно проведенных мной психологических тестов, деньги похитила ее зам., которая категорически отказывается признаться в этом. Чтобы доказать ей нашу правоту, следует сейчас же пригласить сюда начальника следственного отдела полиции и передать ему всю имеющуюся у нас информацию.

Так и поступили. Как нам стало известно, через два дня полиции удалось выбить из зама признание и похищенные деньги. Якобы мотивом хищения являлось желание насолить любовнику хозяйки, вытесняющего ее с должности зама.

**Случай 5-й.** К нам по поручению директора крупной фирмы, занимающей два этажа в многоэтажном здании, обратился юрист этой частной организации с просьбой помочь найти вора (воров), похитившего прошлой ночью из сейфа бухгалтера, более сорока тысяч долларов. Юрист сообщил, что, во-первых, обращаться в полицию руководство фирмы не желает и, во-вторых, просит наше обследование произвести в ближайшие день-два.

Юрист, мужчина за пятьдесят лет, ранее служивший заместителем начальника районного отдела милиции, в ответ на наши вопросы, нет ли у них каких-либо подозрений в этом отношении сообщил интересные подробности, которые прямо указывали на похитителей и их пособника. У них имеется договор с частной охранной фирмой, которая осуществляет круглосуточную охрану помещений фирмы. У охранников имеются ключи только от общих коридоров. Ключи от кабинетов и других помещений хранятся у работников, занимающие эти кабинеты. У бухгалтера кроме того имеется ключ от сейфа, находящегося в шкафу.

**Первое веское подозрение.** Пару месяцев назад, когда они, в том числе бухгалтер, утром пришли на работу, оказалось, что в замочной скважине бухгалтерского кабинета торчал ключ, который удалось вынуть только приглашенному специалисту по замкам. Как там оказался этот ключ?

Тут же выяснилось, что это дело рук одного из братьев охранников, который в извинительном тоне признался, что только из баловства пытался попробовать, войдет ли ключ в замок. Войти-то он вошел, а вот вынуть его не удалось.

Вместо того, чтобы настоять на немедленном увольнении смены, ограничились обещаниями, что больше подобное не повторится. Оно и не повторилось, но кража денег из бухгалтерского сейфа произошла в смену одного из этих братьев охранников.

**Второе веское подозрение.** Сын бухгалтера, по мнению юриста — наркоман, в последнее время зачастил на фирму к матери и есно общался с теми братьями охранниками.

Имея такую информацию, прямо указывающую на воров и их пособника, разумеется, следовало обращаться в следственные органы, однако руководство фирмы, повторю, не желало идти по официальному пути. Их идея состояла в том, чтобы попытаться, по их словам, под гипнозом добиться признания в воровстве и возвращения денег. Я попытался возражать, что предлагаемая ими идея на 99,99% бесперспективна, но они настаивали на своем решении.

Все трое подозреваемых отрицали свое участие в похищении денег и дали согласие на проведение с ними психологических тестов и погружение в гипнотическое

состояние. Юрист фирмы присутствовал и заинтересованно наблюдал за проводимыми мною психологическими воздействиями.

Первого, по моему предложению, обследовали сына бухгалтера, довольно тщедушного юношу, только закончившего среднюю школу и готовящегося, по его словам, к поступлению на экономический факультет. Он оказался высоко внушаемым; быстро была достигнута сомнамбулическая стадия гипноза. В свободном диалоге — я исполнял роль духовника или наставника — он признался, что по просьбе товарища (так он назвал охранника) дал ему в тайне от матери на пять минут ключ от кабинета, находящийся в связке с другими ключами, в т.ч. от сейфа, чтобы он попытался открыть им замок в их сторожке на другом этаже. Рассказывая это, он вдруг громко разрыдался, сетуя на то, что не знал тогда, к чему это приведет. Пришлось его долго успокаивать.

Я подошел к юристу и тихо сказал ему, что все это юноша расскажет и следователю, находясь в ясном сознании, что является серьезной уликой против тех двух братьев охранников, доказывающей их активную подготовку к воровству, и при совокупности с другими доказываемыми фактами дает основание суду признать их виновными. Кроме того, в процессе официального расследования возможен вариант возвращения похитителями денег. Юрист ответил, что никаких следователей и судей не надо.

Что касается гипнотизации двух охранников, один из которых в ту ночь дежурил, а второй был замечен в первой половине ночи (якобы приносил брату поесть) на территории фирмы, то они с демонстративной готовностью выполняли все мои инструкции. Была достигнута начальная фаза 1-й стадии гипноза по Форелю-Бехтереву.

Далее, будучи расслабленными, они ни на йоту не позволили увести себя за пределы своего установочного поведения и блокировали все остальные внушения, касающиеся денег, их похищения, места, где они были спрятаны и т.д. Повторные попытки гипнотизации другими методами приводили к тому же результату.

Моя попытка убедить юриста действовать традиционным путем оказалась безрезультатной. И это в то время, когда нами с помощью гипносуггестии у невольного пособника, личности неустойчивого типа, была добыта серьезная улика против воров. Это серьезное упущение — отказаться от основополагающих улик, достигнутых психологическими воздействиями, в последующем официальном расследовании — очевидно, можно объяснить имеющимися какими-то проблемами заказчиков перед законом, иначе трудно объяснить их нежелание обращаться в полицию и суд с известным положительным результатом. Финал этой истории таков: братья охранники уволились через месяц, а еще через месяц уехали за границу, где поступили в частный юридический университет.

## Психологический анализ расследованных случаев

Приступая к анализу вышеприведенных примеров психологического расследования, вначале укажем, что к психологу возможны обращения в следующих случаях.

1. Хищение денег/вещей в небольших группах (3—5 чел.), при этом вектор социальной направленности в них может быть смешанный или однозначно негативный, как в приведенном Случае 1.

2. Помощь в нахождении утерянных/забытых денег/вещей (Случай 2).

3. Выявление хищений денег/вещей в интеллигентных коллективах (школы, ВУЗы, НИИ, т.п.), когда, благодаря психологическому расследованию, похититель определен, но возникает срочная необходимость в передаче расследования официальным юридическим органам (Случай 3).

4. Выявление похитителя (хронические мелкие и спонтанные крупные кражи) в больших коллективах (Случай 4).

5. Выявление тщательно подготовленного хищения, когда психологическими способами выявлены серьезные улики, а также определен похититель, отрицающий свое участие, когда возникает необходимость в передаче официальным органам материалов психологического расследования (Случай 5).

Конечно, возможны и другие причины обращения к психологам, например, хищение денег/ценных вещей в семьях (детьми, подростками, взрослыми) или приглашение психолога в качестве консультанта в официальные органы расследования преступлений для определения эмоционально-волевых, интеллектуальных и др. личностных характеристик похитителя/пособника и т.д.

В настоящей работе основное наше внимание направлено на технологию поиска психологом похищенных/утерянных денег или вещей, технологию, в которой тесно переплетены его личный профессиональный опыт работы с людьми, теми или иными личностями (агрессивными, боязливymi, честными, лживыми и т.д.), развивший у него, с одной стороны, интуитивное восприятие собеседника, а с другой — обогативший его знаниями множества деталей из области юридической психологии.

С самого начала необходимо определиться с тем, что в отличие от представителей официальных юридических органов расследования хищений, психолог, ведущий консультативный прием и психотерапию, ничем не защищен (ни оружием, ни законом), что накладывает на стиль его психологического расследования нейтральный, общерекомендательный характер.

Здесь особенно важно быть корректным, понимающим, вежливым, объективным, хранить тайну, не быть

прокурором и судьей, и уметь устанавливать положительный контакт с клиентом. Это особенно важно соблюдать, когда обращаются заведомо подозрительные личности, выясняющие отношения между собой (Случай 1).

Применение здесь аппаратов, фиксирующих эмоционально-вегетативные реакции в области функционирования сердечно-сосудистой системы, по моим наблюдениям, весьма эффективно. Надо признать, что этот способ достаточно объективен, особенно в случаях, когда подвергаются исследованию два человека. Здесь каждому обследованному совершенно ясно, что психолог корректен и ничего личного не вкладывает в обследование.

У психолога, не желающего рисковать при расследовании хищений, всегда найдется возможность вежливо отказаться под предлогом отсутствия у него специальных знаний и навыков и рекомендовать обратиться, например, в НИИ судебной психиатрии и т.п. Однако здесь есть одно «но» — во всех иллюстративных случаях наши клиенты подчеркивали, что не желают обращаться в официальные органы расследования хищений.

Обращение по поводу потерянных/забытых вещей/денег составило у нас половину от общей суммы. Все началось с того, что начавшие богатеть нувориши — во времена, когда банки еще были в банке — приносили домой деньги и тайком от жен прятали их в каком-то укромном месте. Поскольку все делалось в суете и часто в хорошем подпитие, наутро клиент амнезировал, куда спрятал деньги.

Наш опыт в розыске подобных случаев позволяет рекомендовать производить стимулирование гипертнезии у клиента времени прихода домой и прятания денег производить на месте. Часто оказывалось, что деньги прятались не у входа, не под лестницей, а в самом неожиданном месте и в глубине дома/квартиры. В ряде случаев выяснялось, что деньги перепрятывались женами.

Весьма эффективным при нахождении спрятанных и забытых, где положенных, денег/вещей является способ, основанный на умении определять идеомоторные реакции клиента, погруженного в воспоминания того своего неудачного возвращения домой. Для этого надо, чтобы клиент своей ведущей рукой сильно сжимал запястье ведущей руки психолога и всецело концентрировался на своем прежнем пути и месте прятания<sup>3</sup>.

3 Впервые подобную технику пришлось наблюдать на эстраде в конце 60-х годов, когда артист, представленный рекламой великим магом и волшебником, находил спрятанные в зале булавки и др. предметы, загаданные в книге слова и т.п. Я был на выступлении двух великих, третий был явным подмастерьем в сравнении с ними. Не называю их имен, чтобы не возбуждать ненужный ажиотаж, так как, по моему мнению, каждый нормальный человек, особенно если он личность гипертимная, экспансивная, истерическая, при небольшом тренинге способен к подобному высокому восприятию идеомоторики клиента.

Оба, клиент и психолог, должны в это время находиться в суженном состоянии сознания, иначе никто ничего не найдет. О связи эмоционального стресса и гипносуггестии писал патриарх советской психотерапии В.Е.Рожнов (7). Типичным итогом подобного партнерства, когда движение нашей руки или взора становились финишно уверенными, слышалось восклицание как будто проснувшегося клиента: «Вспомнил! Вот, здесь!».

Что касается забытых вещей/денег на работе, в транспорте, в магазине и т.д., подобно Случаю 2, то здесь необходимо вспомнить место, где забыли, и кроме того лица/внешность людей, находящиеся в окружении. Последнее часто оказывает решающее воздействие на должностное лицо (продавца, водителя автобуса, др.), чтобы убедить его на официально юридическом уровне вернуть забытые вещи/деньги законному владельцу, что весьма убедительно иллюстрирует Случай 2.

Кроме всего прочего приходится стимулировать уверенность в успехе поиска утерянных вещей/денег у клиентов, что очень важно, так как часто они падают духом, разочарованы и угнетены пропажей, что подавляет у них ассоциативные процессы памяти и сообразительности, а для успеха поиска их надо оживлять.

Должен признаться, что составление списка вопросов/утверждений для ассоциативного эксперимента — не простое дело. Конкретно, для работы из Случая 4, включающей их в сумме 150, мне пришлось над составлением списка корпеть более полуночи.

Мало найти точные имена существительные, глаголы, местоимения, метафоры и др. в соответствующем интонационном сопровождении, возбуждающие соответствующие ассоциации, важно расположить их в определенном порядке, усыпляющем бдительность испытуемого-похитителя или вызывающие у него шок (для человека нейтрального, случайного все это не имеет значение; он очень быстро начнет защищаться быстрыми ответами по аналогии, зеркальными, примитивно короткими:

---

К тому времени я уже овладел профессией психиатра-психотерапевта, глубоко изучил фундаментальные труды И.П.Павлова, К.И.Платонова, Поля Дюбуа, от корки до корки прочитал «Введение в психоанализ» З.Фрейда, активно применял классические методы психотерапии при лечении пограничных расстройств, поэтому был хорошо подкованным реалистом.

Естественно, я как врач — подобно Дж. Брэду — увидел на эстраде нормальное явление, которому пытались приписать сверхъестественные свойства.

По приходе домой я тут же проверил свои предположения, оказавшиеся верными: чтобы эффективнее находить спрятанные вещи, чтобы острее воспринимать идеомоторику, следует максимально возбуждать клиента и себя. Именно поэтому лично мне было неприятно находиться на сцене рядом с великими, которые, чтобы завести себя и клиента, неприлично суетились, дергались, истерично стонали, восклицали, брызгали слюной (естественно, проявлений всех этих симптомов на сцене в зале зрителям не было ни видно, ни слышно).



да—нет и т.д.). Хотелось бы отметить, что гениально найденный Юнгом ассоциативный эксперимент, как показала мировая практика, менее всего подходит для диагностики невротических расстройств, но более всего там, где необходимо отсеять личностей, пытающихся втереться в секретные службы/отделы, так как с помощью усовершенствования в форме полиграфа/детектора лжи, подключенного ко многим биологически/биоэлектрочувствительным точкам на теле испытуемого, удается с высокой степенью точности распознать лжеца.

К сожалению, мы не располагали в своей исследовательской работе таким аппаратом, но нет худа без добра, его отсутствие способствовало мобилизации у нас внутренних резервов и их натренированности в направлении поиска похищенного.

Подобную высокосенсорную (не хочется писать экстрасенсорную по разделяемым мной принципиальным соображениям) натренированность приходилось наблюдать в далекие студенческие годы у некоторых наших учителей-терапевтов, которые пальпаторно, накладыванием ладоней на грудную клетку, улавливали крепитацию, подтвержденную затем аускультацией; пальпаторно подушечками пальцев в несколько секунд доцент-окулист не просто определял норму или повышение внутриглазного давления, но его величину, подтвержденную объективным исследованием, и т.д.

Несмотря на то, что надо мной довлеет прессинг должного размера статьи, все же должен акцентировать внимание читателя-психолога на том, что классику внутренней медицины профессору Захарьину было достаточно осмотреть обнаженное тело больного, а классику пограничной психиатрии профессору Ганнушкину — поздороваться за руку с пациентом, чтобы молниеносно вынести точный диагноз.

Все эти выдающиеся достижения являются результатом развитых способностей, увеличенных, как линзой, накопленными знаниями и опытом. Уверен, что увлеченный и преданный своему делу психолог с годами способен натренировать у себя подобное высокосенсорное восприятие пациента/обследуемого. Думаю, эффект будет еще успешнее, если сознательно тренировать себя в этом отношении.

Для того, чтобы эффективно осуществлять диагностику, проводить экспертизу, расследовать, психолог должен уметь наблюдать за клиентом. Казалось бы, чего проще — смотри, наблюдай. Ан нет, тот, за кем наблюдают, знает это и закрывается (напряженной или расслабленной маской, дежурной или фальшивой улыбкой и многим-многим другим). Проще всего — это осуществлять скрытное наблюдение. Но условия психологической консультации или центра психотерапии в отличие,

например, от НИИ судебной психиатрии менее всего приспособлены для этого.

Остается наблюдать незаметно. Наш многолетний опыт в этом отношении заключается в том, что совершенно бесполезно в упор рассматривать клиента (если, конечно, вы не хотите его смутить или запугать), так как такое сознательное всматривание не позволяет увидеть блуждающую по лицу мысль.

Первая особенность усиления зрительного восприятия клиента заключается в том, чтобы уметь бросать в его сторону быстрые/мгновенные, почти незаметные, взгляды-вспышки (миллионы телезрителей могли видеть, как наблюдал за претендентом выдающийся гроссмейстер, многократный чемпион мира по шахматам Анатолий Карпов. Претенденту подсказали об этом его помощники, и он в последующем разумно защитился от этого оружия чемпиона темными очками, что однако не спасло его от поражения, так как это, к сожалению для претендента, был не единственный и не основной козырь чемпиона). Такая вспышка позволяет увидеть тень мысли на лице клиента.

Вторая особенность усиления зрительного восприятия клиента — это умение наблюдать за ним не центральным, а периферическим зрением, благодаря которому стимулируется бессознательное психолога и клиент становится понятнее.

Третья особенность — поступать таким образом, чтобы клиент был в динамике (мимической, физической, интеллектуальной, эмоциональной), для чего необходимо его неожиданно стимулировать. В подобном случае срабатывает автоматика, и клиент выглядит таким, какой он есть, а не каким хочет выглядеть.

Разумеется, все рекомендуемые способы наблюдения за клиентом даже в сумме составляют меньшую часть в проводимом интервью по сравнению с корректной, разумной, синтонной беседой, и это также естественно, как нокаут в последнем, десятом раунде боксеров.

## Выводы

1. Психолог, в том числе специализирующийся в области консультирования, психотерапии, юридической психологии, может оказывать эффективную помощь клиентам в розыске утерянных/похищенных денег/вещей.

2. Особенно эффективно психологическое расследование в случаях хищений денег/вещей (хронических, спонтанных) в коллективах.

3. Среди психологических способов и приемов, применяемых при расследовании хищений и нахождении утерянных денег/вещей наиболее эффективными являются ассоциативный эксперимент Юнга, скрытное наблюдение, использование феномена идеомоторных ре-

акций, высокосенсорная натренированность опытного психолога.

4. Использование гипносуггестивных техник при творческом подходе способствует, во-первых, эффективному определению вектора поиска (а при отчаянном сопротивлении и выявлять похитителя) и, во-вторых, выявлению улик хищений, в том числе от свидетелей, соучастников, др.

### Литература

1. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. — В 3-х т., М.: Изд. Агентство печати Новости, 1987, 8-е изд. — Т. 1 -303 с. — Т. 2 — 327 с. — Т. 3 — 351 с.
2. Кречмер Э. (Kretschmer E.) Строение тела и характер /Пер. с нем. — М., 2000. — 208 с./Печатается по пер. с 7-8 изд., 1930.
3. Крогиус Н.В. «Психология шахматного творчества». — М., 1981. — 183 с.
4. Ласкер Эм. Учебник шахматной игры / Пер. с нем. С предисловием М.Ботвинника. — 7-е изд. — М.: Терра-Спорт, 2001. — 416 с.
5. Простомолотов В.Ф. К проблеме kleptomani // Журн. практикующего психолога. — Киев, 2009. — Вып. 15. — С. 90—98.

6. Простомолотов В.Ф. Пограничная психиатрия: Учебное пособие. — 2-е изд., испр. и доп. — Одесса: ВМВ, 2009. — 452 с.

7. Рожнов В.Е., Рожнова М.А. Системный анализ динамики развития процесса эмоционально-стрессового внушения. — М.: ППЛ, 2001. — 30 с.

### Experience in Psychological Investigation of thefts

*Valery Prostimolotov*

*Prof. MD Ph.D. Odessa, Ukraine*

*The article deals with the author's experience in psychological investigations of the thefts among the personnel both with finding out of the lost/forgotten things. The author reveals different ways of finding out a thing and a theft. Secretive surveillance, with peripheral sight, high sensor perception and trained perception of ideomotor acts are described. The author shares his experience in using C. Jung's associative experiment both with and hypnosuggestive techniques too. All this mutually reinforces subconscious and conscious levels both of a psychologist and his client in their efforts to efficiently reach a necessary result.*

**Keywords:** theft, anxiety symptoms, reminiscences analyses, psychological investigation, search direction.